

Вопрос

Вчера я снова случайно увидел ее. Она стояла у входа в универмаг, часто поглядывая на часы и посматривая по сторонам. В какое-то мгновение мне захотелось подойти к ней и заговорить, но о чем?.. Говорить нам было совершенно не о чем. Новых вопросов к ней у меня не было, а на те, что были, она ответила два месяца назад, в майские праздники.

...Утро того дня было по-весеннему прохладным, но солнце и чистое до горизонта небо обещали много тепла.

Я, довольный всем, неторопливо шел на демонстрацию. Обгоняя меня, шли празднично одетые люди. Вокруг было много красок, веселого шума и музыки.

Мы столкнулись с ней лицом к лицу на одном из перекрестков. Помню, я здорово удивился. Сами посудите, вероятность встречи при таком количестве людей совершенно ничтожна. И главное, сама возможность нашей встречи с течением времени становилась для меня — не знаю даже почему — все менее реальной. Ведь прошло уже пять лет, как мы расстались.

Какое-то время мы молча смотрели друг на друга. Внешне она совсем не изменилась. Длинные русые волосы вольно лежали на ее плечах поверх сиреневого плаща. Лицо было свежее, чистое, даже морщинок у глаз не появилось.

— Здравствуй, Галя,— негромко проговорил я.— С праздником тебя.— И улыбнулся.

— Здравствуй, Володя,— спокойно ответила она и протянула мне руку. Ладонь ее была теплой и узкой. Мы стояли посередине перекрестка. Нас то и дело толкали.

— Отойдем в сторонку,— предложил я.

— Мне все равно,— равнодушно уронила она, глядя куда-то вбок.— Можно и в сторонку.— И пожалала плечами.

Мы сели на небольшую скамейку, стоящую невдалеке от тротуара, у голых кустов акации. Мимо нас непрерывным потоком шли люди. Пахло талой водой, а за углом большого дома, не касаясь нас своим теплом, светило солнце.

Она сидела, натянув плащ на колени, чуть согнувшись, глядя на прихваченную ночным заморозком стылую землю.

Мне было тревожно и беспокожно, как при первом свидании, и я не знал, о чем говорить.

— Ты о чем-то хотел спросить меня?— негромко сказала она, не шевелясь и по-прежнему глядя в землю.

— Да,— уронил я.

— Я тебя слушаю... Слушаю,— повторила она нетерпеливо.

А я сидел и не знал, с чего начать. Если бы она вот так поговорила со мной тогда, че-

тыре года назад, когда я женился на девушке, которую не любил, но которая немного нравилась мне, я задал бы ей кучу вопросов, а главное, спросил бы, счастлива ли она, потому что чувствовал себя виноватым перед ней. Но время растворило то чувство вины, и любой ее ответ теперь уже ничего, совершенно ничего не менял.

— Ты рада нашей встрече?— наконец спросил я, чтобы не молчать.

Она усмехнулась:

— Рада, не рада — какое это сейчас имеет значение? Абсолютно никакого. Встретились и разойдемся. Не так ли?—она искоса взглянула на меня. Помолчав, с коротким смешком добавила:—Ведь свидания ты мне все равно не назначишь. Не правда ли?

Она смотрела на меня насмешливо и впросительном. Я никогда не мог понять, когда она говорит серьезно, а когда в шутку. Я отвел взгляд в сторону, пробормотал:

— Как ты можешь?.. У нас же семьи... Мы взрослые люди.

— А я, представляешь, об этом как-то забыла,— язвительно проговорила она.

Мы снова и надолго замолчали.

— Как живешь?— осторожно спросил я.

— Неужели тебе это так важно знать? Вот уж никак не думала, что тебя это заинтересует. Впрочем,— она дернула плечом,— хорошо живу. К тому же еще и счастлива!—она небрежно положила ногу на ногу.— Счастлива! Представляешь?! — она с вызовом посмотрела на меня. Лицо ее покрылось красными пятнами, глаза сузились.

— Но послушай,— опешил я,— ты чего?..

— У меня все есть!— почти вскрикнула она.— Кооперативная квартира,— она загнула палец,— машина, дача! У меня есть любящий муж, который не пьет, не курит и хорошо зарабатывает. А что еще женщине надо? Что? Ты знаешь?!

— Откуда мне знать,— пробормотал я, стараясь не смотреть на нее и не понимая причины ее неожиданной, непонятной мне вспышки.

—А ты вообще хоть что-нибудь знаешь?— язвительно спросила она.— Хоть столечко?— и показала кончик мизинца.

— Наверное,— промямлил я.

— Наверное,— она фыркнула и отвернулась.

Мы снова замолчали. Где-то далеко звучала музыка. Тень дома падала на нас, а из-под лежащего в стороне от скамейки под солнцем язычка снега заскользила тоненькая, блестящая нитка воды.

— Ты по-прежнему живешь с ним?—на рушил я затянувшееся молчание.

— С ним,— спокойно ответила она.— А то с кем же еще,— и усмехнулась.

«С ним — значит с Игорем Ефтуховым»,— подумал я.

Мне он не понравился с первого дня поступления на работу в пашу автобазу. Он был одного возраста со мной, но по-стариковски расчетлив, деловит и аккуратен.

Каждое его движение, жест, казалось, были заранее рассчитаны компьютером. Разговаривал он, в зависимости от темы, с короткими или длинными паузами после каждого слова. Он никогда не спорил с начальством, даже в том случае, если оно было явно не право. «Чтобы жить хорошо,— сказал он, как всегда глядя в сторону и поглаживая массивный, тщательно выбритый подбородок,— надо жить тихо».

За баранкой он всегда сидел в рабочих рукавицах, никогда не превышал скорость, даже если дорога была превосходной, а сотрудников ГАИ не было на полсотни километров вокруг. Но главное, он до болезненности любил деньги. Ради лишней пятерки готов был работать по две смены подряд. А о том, чтобы занять их у него, не могло быть и речи.

«С ним, значит,— равнодушно подумал я.— Ну что ж, выходит, правильно я поступил тогда. Все было правильно».

— А ты, Володя, счастлив?— тихо спросила она, снимая и одевая на палец толстое обручальное кольцо.

Счастлив ли я? Об этом меня еще никто и никогда не спрашивал, даже жена. Счастлив ли? Я никогда не задумывался над этим. Наверное потому, что времени не хватало, а может, еще по какой-либо причине, но, возвращаясь из дальнего рейса, когда охватывала усталость, а своенравная матушка-дорога как всегда продолжала требовать к себе пристального внимания, я всегда представлял, как приду домой, как жена, радостно суетясь, поможет мне снять пропахший соляжкой и дорожной пылью пиджак, а сын, сопя от натуги, поволокет мою дорожную сумку в комнату и там, в поисках подарка, начнет выбрасывать из нее па пол все «лишнее». «Ну, как вы тут без меня жили?»— нарочито равнодушно спрошу я. «Ждали»,— выдохнет жена и ткнется лицом в мою грудь.

Я поглажу ее волосы, она поднимет на меня глаза, и мы крепко поцелуемся. Так было после каждого рейса, и только домой всегда вела и приводила меня любая дорога.

И я ответил:

— Счастлив.

— Я рада за тебя,— выдохнула она.— Поверь, очень рада... Жена красивая? — по молчав, спросила она.

— Красивая.

— Дети есть?

— Мальчик.

Она кивнула, встала и протянула руку:

— До свидания. Мне пора.

— До свидания.— Я поднялся.

Она сделала пару шагов, неожиданно остановилась и, глядя в сторону, тихо заговорила:

— Я давно хотела у тебя спросить... Еще тогда... Почему ты нарочно ему проспорил? Зачем ты это сделал?—она жалобно посмотрела на меня.— Зачем? Мы бы с тобой так хорошо и радостно жили... Ведь я же...— она не договорила. Пошла, почти побежала прочь от меня, зажав рот ладонью.

— Но послушай, Галя!—негромко крикнул я.—Я не нарочно... Я...—Но она не оглянулась, а я как подбитый медленно опустился на скамейку.— Рассказал все-таки,— процедил я.— Рассказал...

О том, что она встречается с Ефтуховым, я узнал случайно, зимой, возвращаясь с работы после второй смены. Они шли рядом по направлению к ее дому и о чем-то оживленно разговаривали. Я остолбенел от неожиданности. У меня даже и в мыслях не было, что он может ей понравиться, не говоря уже о том, чтобы встречаться.

— Ну и что из этого?! — удивленно сказала она, когда я на следующий же день спросил ее об этом.— Во-первых, мы с ним просто друзья, а во-вторых, я вроде бы тебе ничего не обещала и ничем не обязана.

— Но это подло,— процедил я,— встречаться сразу с двумя.

Она улыбнулась, спросила:

— Ты что, ревнуешь?

— Всего хорошего,— сказал я.— Желаю счастья.

И ушел. Прежде чем завернуть за угол дома, я оглянулся. Она стояла и смотрела мне вслед, опустив руки.

А буквально на следующий день нас с Ефтуховым послали в командировку. Я отказывался ехать с ним, но с механиком много не поговоришь.

Мы жили в одной комнате, но питались отдельно и ни о чем не разговаривали. Да и о чем нам было говорить с ним, кроме как о ней.

— Слушай, Ефтух,— спросил я у него в один из вечеров, после того, как совершен но случайно увидел, как он пересчитывает деньги, сжимая каждую монету так, что белели кончики пальцев, как шевелятся его губы, а взгляд настороженно рыщет по сторонам.— Ты счастлив?

Мой вопрос его ничуть не удивил. Казалось, что он ждал его. Он лениво усмехнулся, повернулся ко мне лицом, спросил, растягивая слова:

— Ты когда в магазине какую-нибудь вещь покупаешь, что сначала делаешь: спрашиваешь цену или берешь?

— Конечно, цену,— ответил я удивленно.

— А я, в отличие от тебя и многих других, сначала беру вещь, а уж потом спрашиваю цену. Надеюсь, я ответил на твой вопрос,— и он лег на спину эдакой тюленьей тушей.

Второй раз я заговорил с ним, когда кончилась командировка и пришло время уезжать.

— Слушай, Игорь,— сказал я.— Давай разберемся честно и по-мужски.

— Относительно Гали?— спокойно спросил он.

— Да.

— Я не против,— он отложил в сторону чемодан, куда укладывал купленные по случаю хорошие вещи, сел на стул лицом ко мне.

— Она тебе нравится? Ты с ней серьезно?

— У меня всегда все серьезно,— веско

уронил он.— Это мое, так сказать, хобби.

— Это видно,— процедил я.

— Ты что, дуэль предлагаешь?— насмешливо спросил он.— Если на кулаках, то играешь. У меня второй разряд по боксу, а пистолетов у нас нет.

— Обойдемся без пистолетов,— усмехнулся я. Он насторожился.— Давай сделаем так,— продолжал я.— Завтра мы уезжаем. Так вот, кто из нас первым поравняется со знаком «Ограничение скорости», что стоит перед въездом в город, тот и будет с ней встречаться, ну а кто...—я развел руками.— И еще. Ей об этом споре ни слова. Ну как, договорились?

Я улыбаясь смотрел на него. Я был уверен, что он под каким-нибудь предлогом откажется, но он пристально посмотрел на меня, в окно, хмыкнул — и согласился.

Я обогнал его на первом же повороте, когда он притормозил. Я выжимал из своего ЗИЛа все что мог, но и Ефтухов делал то же самое. Его машина не отставая шла метрах в пятидесяти от моей. И это он, тот, что по чистому асфальту никогда не превышал скорости, а тут, зимой, по заснеженной, накатанной до блеска дороге гнал под девянность...

Дорога мчалась навстречу как ошалелая. Казалось, что она никогда не кончится. От напряжения устали глаза и руки.

Не знаю почему, но я дал ему себя обогнать. Может, причиной тому был наш последний разговор с Галей, ее улыбка и то, что она встречалась сразу с нами обоими, а вернее всего — обида. Обида, из-за которой мы в молодости забываем обо всем, кроме себя.

...А потом у них была свадьба. Потом была моя свадьба. Первый год я еще мучился вопросом, правильно ли сделал, что дал себя обогнать, счастлива ли она будет с ним и буду ли счастлив я. Я стал счастлив...

И вот я снова увидел ее. Случайно. Она стояла у входа в универмаг и кого-то ждала. Она улыбнулась, весело сбежала со ступенек крыльца и заспешила навстречу высокому мужчине — это был не Ефтухов, и обручального кольца на ее руке не было.

Подойдя к нему, она постучала пальцем по циферблату часов, шутливо погрозила пальцем, привстав на цыпочки, быстро поцеловала в щеку, и они пошли. Пошли быстро, настороженно поглядывая по сторонам.

Дай бог тебе счастья!

А я...Я ведь счастлив. Да, счастлив. Это я точно знаю. Счастлив, счастлив, какие могут быть сомнения? Счастлив...

